

ПОБЕДИТЕЛИ

фронтовые мемуары

ВАСИЛИЙ ЧУРКИН

**ОКОПНЫЙ
ДНЕВНИК
1941–1945**

**«Вставай,
страна огромная!»**

**Москва
2013**

УДК 355/359
ББК 68
Ч-93

Дизайн переплета *Юрия Щербакова*

В оформлении обложки использована фотография:
Чертов / РИА Новости

Чуркин В. В.

Ч-93 Окопный дневник 1941–1945. «Вставай, страна огромная...» / Василий Чуркин. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 192 с. — (Победители. Фронтовые мемуары).

ISBN 978-5-699-63437-8

Эта книга уникальна. Поскольку в Красной Армии было запрещено вести дневники, такие фронтовые записи — величайшая редкость, тем более относящиеся к началу Великой Отечественной войны. Большинство военных мемуаров сочинялось через много лет после ее окончания, когда события уже поблекли или вовсе стерлись из памяти ветеранов, — но Василий Васильевич Чуркин писал на передовой «в режиме реального времени», в маленьких блокнотах, которые легко спрятать в нагрудном кармане гимнастерки. А раз эти скупые безыскусные заметки не предназначались для чужих глаз, тем более для печати, он не был скован идеологическими запретами и вел дневник без оглядки на военную цензуру. Это — подлинная, стопроцентная, неприукрашенная «окопная правда» Великой Отечественной. Это — бесценные свидетельства рядового русского солдата, прошедшего войну «от звонка до звонка», с лета 1941-го по 1945 год, который чудом выжил во фронтовом аду, но потерял всю свою семью — его жена и младшая сестра умерли от голода в блокадном Ленинграде, а оба брата и оба сына погибли на фронте...

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-63437-8

© Чуркин В.В., наследники, 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Что это за книга?

Эта книга — живой дневник военных лет. Он велся в маленьких блокнотах и записных книжках карманного формата. Так удобнее носить в нагрудном кармане гимнастерки: они не бросаются в глаза — вести дневники на фронте было нельзя.

Блокнотов и книжек несколько десятков. Они уцелели, потому что уцелел на войне их автор — Василий Васильевич Чуркин, ушедший добровольцем на фронт летом 1941 года и вернувшийся только после Победы, в августе 1945-го. Но когда он вел свои записи, он еще не знал, что вернется. Не знал до самого последнего дня войны. Каждая запись в любой день могла стать последней. Поэтому в дневнике нет желания что-то доказать или в чем-либо убедить.

По большому счету — это впечатления простого русского солдата. Пожалуй, отчетливее всего из них видно, что при любом общественно-политическом устройстве, независимо от взглядов и убеждений, есть люди, всегда однозначно понимающие такие вещи, как совесть, порядочность, честь и долг.

Перед нами — взгляд на войну с переднего края. Описания жестоких боев, в самом пекле которых не раз оказывался Василий Чуркин, и его повседневной жизни на фронте. Мы видим человека, для

Чуркин Василий
Васильевич.
Довоенный снимок

которого война на долгие четыре года стала ежедневной спутницей. Она же — причина его личной трагедии. Почти всех близких, письма которых приводит автор в своем дневнике, забрала война. Эти письма — как непрожитые жизни — тоже оттуда, из военных лет.

Дневник увидел свет благодаря дочери Василия Васильевича — Наталье Васильевне Макашовой. Вместе с отцом она дешифровала фронтовые записи, составила из них общий текст, расположила в хронологическом порядке письма. Текст в принципе не предназначался для печати. Но такие вещи просто не имеют права пропадать без следа.

Мы включили в книгу военные сводки Информбюро¹. В официальных сообщениях каждая из воюющих сторон стремилась преуменьшить собственные неудачи и превознести свои успехи — это аксиома любой пропаганды. Поэтому к официальным сообщениям всегда относились и относятся критически. Но в данном случае у читателя есть редкая возможность не прислушиваться к чужим выводам, а самостоятельно сравнить официальный взгляд на картины боев со взгля-

¹ Сводки Информбюро в книге цитируются по газете «Правда» военных лет и по фондам РИА «Новости».

ОКОПНЫЙ ДНЕВНИК 1941–1945

дом на них из окопа, что называется, в режиме реального времени. Сводки соотнесены по датам и месту с дневниковыми записями Василия Чуркина. На этом контрасте становится очевидной не только «полуправдивость» официальной версии, но и все ее замалчивания и откровенная ложь. И тем более ценным оказывается этот дневник, неприкрыто правдивый рассказ о войне ее простого участника.

А. В. Лысев, кандидат исторических наук

Вымысел здесь в дневнике отсутствует. Возможны лишь допущения ошибок в названиях населенных пунктов.

В. Чуркин

1941-й

Работал я в Ленинграде инженером в плановом отделе завода «Прогресс», того, что теперь ЛОМО называется. Завод наш, как и многие другие, в конце июня 1941 года стали эвакуировать. Все станки и людей отправляли эшелонами в Сибирь в город Омск. С 7 июля каждый день по несколько раз были воздушные тревоги, все бежали в убежища. На Марсовом поле и на всех площадях были установлены зенитные орудия. По вражеским самолетам отчаянно стреляли зенитки, осколки разорвавшихся в воздухе снарядов, шурша, падали на землю, на асфальт. Песня «Вставай, страна огромная» захватила меня, я записался в ряды ополчения и 9 июля ушел добровольцем на фронт.

Во дворе Мраморного дворца, в садике, прямо на траве, лежали две большие кучи: одна старых шинелей и вторая тоже старых солдатских кожаных ботинок. Нам предложили выбирать и шинель и ботинки. С этого дня мы стали военными. От Мраморного дворца мы шли строем. Рядом со мной шел Саша Головин, работник нашего завода. Когда, идя по улице Пестеля, мы поравнялись с Моховой улицей, он показал нам на окна третьего этажа, где он живет, там осталась его мать. Впоследствии от их дома осталась только одна стена.

Она долго стояла одиноко, пока не восстановили весь дом.

29 июля наша дивизия (тогда Первая гвардейская¹) маршем в 25 км пошла на Пулковое. За спиной у каждого из нас висели вещевой мешок и скатка шинели. С улицы Софьи Перовской прошли через Михайловский сад на Садовую улицу. Жена и сестра пришли проводить меня. Они шли рядом с движущейся колонной. Сестра сказала мне: «Ты, Вася, часы оставил бы ребятам», — у меня часы были карманные «Павел Буре» с толстыми крышками, — но я взял их с собой, я к ним привык. Сестра думала, что с войны я могу и не вернуться, а получилось все наоборот: часы вместе со мной, пройдя тяжелый четырехлетний путь войны, вернулись домой, а они все — сестра и жена — умерли в блокаду, и оба моих сына погибли в боях под Ленинградом. Колонна подошла к Невскому проспекту. На углу Невского и Садовой улицы жена и сестра остановились, простились со мной, долго махали мне руками, потом их уже не стало видно.

Мы повернули влево на Невский проспект, у Московского вокзала пошли направо на Литовский, по нему вышли на Московский проспект (в то вре-

¹ 18 июля 1941 года военный совет ЛАНО (Ленинградской армии народного ополчения) постановил создать 1-ю и 2-ю гвардейские дивизии народного ополчения. Полки 1-й гвардейской ДНО (дивизии народного ополчения) были сформированы в Куйбышевском районе Ленинграда. Также в нее вошли добровольцы из других районов города и области. В дивизии к моменту ее отправки на фронт насчитывалось 10 815 бойцов и командиров. Командовал 1-й гв. ДНО полковник И. М. Фролов.

мя он назывался проспектом Сталина) и двинулись в направлении Пулкова. По правую сторону до завода «Скороход» тянулся дощатый забор, а с левой стороны Московского проспекта до самой колокольни Новодевичьего монастыря — длинный каменный. Красивая лестница — вход в монастырь — выходила к самому тротуару проспекта. На каменном заборе, во всю его длину было написано огромными буквами: «Бадаевские склады».

Правее Пулкова, прямо по траве, поднялись в гору, вышли к деревне Виталово. Разместились в заранее вырытых глубоких траншеях и в деревенских избах. Над нами, чуть повыше крыш домов, прошли в направлении Ленинграда три немецких бомбардировщика. Мы видели, как они над мясокомбинатом сбросили бомбы, последовали взрывы, повалил густой дым.

10 августа в Красном Селе грузили на поезд пушки¹, лошадей и прочее имущество. На небольшой высоте семь немецких бомбардировщиков кружили над нами. Мы были на виду, но самолеты пошли к Ленинграду. По немецким самолетам не было сделано ни одного выстрела.

11 августа дивизия разгрузилась на станции Волосово. Отъехали 5–6 км и утром разместились в лесу недалеко от станции Вруда, деревень Княжино и Малосковицы. В тот же день наша батарея обстреляла деревню Княжино. Там были немецкие солдаты, они бросились бежать в лес.

¹ Батарея 88-го артиллерийского полка 1-й гвардейской ДНО имела на вооружении четыре 76-мм пушки образца 1902–1930 годов.

От Советского Информбюро

11 августа 1941 года

В течение ночи на 11 августа продолжались бои с противником <...> на эстонском участке фронта.

Редкий мелкий лес и кустарники. Наши пушки были установлены на небольшой полянке, ящики со снарядами лежали недалеко позади, на траве. Лошадей ездовые отвели в сторону в лесок. Появился немецкий самолет-разведчик, похожий на «У-2», стал кружить над нами. Внизу у самолета два оптических прибора. Кто-то из наших выстрелил в самолет из винтовки¹. Потом еще — и пошла трескотня: по самолету палили из сотен винтовок. А он продолжал кружить над нами и, закончив разведку, ушел обратным курсом. Через несколько минут на нас обрушился шквал летящих со свистом мин. Мины, чуть коснувшись земли, с треском рвались, поражая осколками людей. Застонала поляна. Раненые громко кричали от нестерпимой боли, остались лежать убитые. Это

¹ Сюжет о том, что-де кто-то сбил вражеский самолет метким выстрелом из винтовки, кочевал из сводки в сводку на протяжении всей войны. Между тем, для того чтобы сбить даже низколетящий самолет из стрелкового оружия, необходимо было невероятное везение. В большинстве же случаев стрельба по самолетам не приносила никаких результатов и лишь, как в описанном выше случае, приводила к рассекречиванию замаскированных позиций. Но, несмотря на это, легенда о метком стрелке по самолетам оказалась чрезвычайно живучей и даже вошла в поэму А. Твардовского «Василий Теркин».

была наша первая встреча с врагом, первое боевое крещение. Пришлось поспешно переезжать на другое место. Немецкие самолеты неотступно преследовали и бомбили нас, а их пушки сразу же нас обстреливали, когда мы останавливались на новом месте.

От Советского Информбюро

Зенитчики батареи лейтенанта Галина сбили за время военных действий 8 фашистских бомбардировщиков и 3 истребителя. Недавно в районе расположения батареи появились вражеские самолеты, пытавшиеся атаковать наши войска. В этом бою батарея тов. Галина сбила четыре фашистских самолета. Метким зенитчикам помогают снайперы-красноармейцы. На днях звено «Мессершмиттов» попыталось атаковать с бреющего полета подразделение лейтенанта Никитинского. Снайпер старшина Мальшиев меткими выстрелами из винтовки сбил один вражеский истребитель, остальные самолеты скрылись.

15 августа недалеко от деревни Ямки в небольшом лесу мы установили свою пушку на лужайке, замаскировали ее и ждали дальнейших распоряжений. Нас было восемь человек — полный оружейный расчет и вместе с нами лейтенант Воронин.

День был солнечный. Появился вражеский истребитель «Мессершмитт», длинный, серебристый. Вдруг из-за леса вынырнули наши два «ястребка» — коротыши, они быстро набирали высо-

ту, нацелившись на вражеский самолет. Завязался воздушный бой, но скорость «Мессершмитта» превосходила скорость наших истребителей в два с лишним раза. «Мессершмитт» развернулся, зашел в хвост нашим самолетам и стал в них стрелять. Слышны были редкие пушечные выстрелы. «Ястребки» повернули в сторону елового леса, пошли на снижение и скрылись. «Мессершмитт» не преследовал их.

От Советского Информбюро

На днях 60–70 немецко-финских самолетов пытались совершить массовый налет. <...> Отряды вражеских самолетов встретила наша истребительная авиация. Завязался крупный воздушный бой. Наши летчики первым же стремительным и мощным ударом расстроили боевой порядок противника. Немецко-финские самолеты потеряли общее управление и рассыпались небольшими группами. Началось истребление отдельных самолетов и групп фашистских бомбардировщиков.

Одна шестерка немецких бомбардировщиков, увидев сильный натиск наших летчиков, пыталась выйти из боя. Она быстро снизилась и начала удирать на юго-запад. Наперерез немцам бросилось звено наших истребителей. Два фашистских бомбардировщика, заметив, что на них стремительно летят советские машины, начали еще больше снижаться. Один из фашистов не рассчитал и врезался в землю на высоте К. Раздался сильный взрыв. Второй немецкий самолет по-

лучил повреждение и быстро уменьшил скорость. Советские летчики настигли его и подстрелили.

На высоте 5 тысяч метров советские самолеты рассеяли девятку вражеских бомбардировщиков и окружили 4 из них. В течение нескольких минут враги яростно отстреливались, падали вниз, вновь набирали высоту, но уйти из кольца советских самолетов не смогли. Наши летчики всюду настигали их. Два фашистских самолета, пронзенные пулями, загорелись и гигантскими факелами рухнули на землю. Два других вражеских бомбардировщика были сильно повреждены.

Лейтенант Воронин послал четырех человек из нашего расчета выяснить обстановку в направлении шоссеиной дороги, которая в этом месте проходила густым лесом. По пути, недалеко от нашей пушки, мы встретили группу пехотинцев, около 50 человек. Они ушли с переднего края. Сказали, что удержаться на переднем крае нет сил, что немцы открыли сильный автоматный, пулеметный и минометный огонь, появились танки.

Когда мы подошли к шоссеиной дороге в плотном лесу, увидели охваченную паникой толпу, беспорядочно бегущую на дороге на Волосово. На повозке везли раненого. Он стонал и просил перевязать его. Тут же недалеко шла девушка с санитарной сумкой через плечо, она боялась снизить темп движения. Позади, по пятам за бегущей толпой, лязгали гусеницами немецкие танки. Кто-то закричал на девушку, чтобы она немедленно перевязала раненого. Мы повернули обратно и бы-

стро пошли к тому месту, где оставили пушку, но ни пушки, ни людей на том месте не оказалось. Вышли на опушку леса, с правой стороны на открытом месте увидели движущуюся по проселочной дороге четвертую батарею. Но что это? Около движущейся батареи от разрывов снарядов появлялись и сразу же падали столбики рыхлой земли пашни. Вражеские танки шли по шоссе, увидели батарею и открыли по ней огонь. Батарея помчалась, лошади пошли вскачь, потом они скрылись из виду, въехали в лес. Недалеко позади батареи шла обозная повозка, везла разное имущество. Снаряд разорвался у ног лошади, она вздыбилась и рухнула на землю. Повозка была близко, на ней остались наши шинели, но возвращаться к ней было рискованно: попасть в плен никто не хотел. Немецкие танки и бронетранспортеры с автоматчиками уже шли впереди нас по дороге к Волосову. Дивизии пришлось срочно переходить на новые рубежи. Вражеские самолеты безнаказанно кружили над нами. Они бомбили и обстреливали каждую повозку и даже одного человека. На дороге с разорванными частями тела лежали убитые. Появляться на дороге было опасно, шли больше лесом.

От Советского Информбюро

14–15 августа 1941 года

В течение ночи на 14 августа на фронтах чего-либо существенного не произошло.

В течение ночи на 15 августа наши войска вели упорные бои с противником на Эстонском участке фронта.